

Угроза Сун Ле действительно напугала Се Сицзэ. Раньше он приставал к нему, позволяя себе любые выходки, потому что знал о его расположении и был уверен, что тот ему не причинит вреда.

Он любил Сун Ле так долго, что, помимо душевной привязанности, редко думал о физической близости. Лишь когда тоска по нему становилась невыносимой, он представлял его во время онанизма. В его фантазиях мужчина был одет, опрятен, мягок и джентльменен — совсем не похож на того зверя, который смотрел на него сейчас, словно собирался разорвать на части и проглотить.

Се Сицзэ идеализировал Сун Ле, не подозревая, что этот мужчина давно уже превратился в взрослого хищника, который и косточек не оставит.

От отношений между мужчинами его всё же пробирала дрожь. Он видел видео и знал, что это больно, да и само место не слишком эстетично. К тому же, Сун Ле был так крупно сложен, что его «особенности», должно быть, выглядели устрашающе.

Он не догадывался, что именно Сун Ле имел в виду, говоря о других местах, но интуиция подсказывала: ответ будет далеко невинным.

По сравнению с физической близостью, Се Сицзэ больше ценил духовную связь, но сейчас он совсем не хотел никакой связи с Сун Ле. Тот изменился, стал совсем другим.

Размышляя об этом, он всё больше успокаивался в решении избегать Сун Ле. Тот, кого он любил, исчез в прошлом вместе со своей прошлой жизнью, а нынешний Сун Ле был как два человека в одном.

Се Сицзэ кивнул:

— Чжан Шуцзин неплохая девушка. Хоть и темноватая кожа, зато характер хороший, и красивая. Я ей не пара.

Лицо Сун Ле помрачнело: он решил, что Се Сицзэ всё ещё думает о только что случившемся. Он прикрыл глаза и произнёс:

— Я знаю, что ты её не целовал, но мне всё равно неприятно.

Он указал на губы Се Сицзэ, многозначительно взглянув ниже:

— Молодые люди легко поддаются импульсам. Если у Сяо Цзэ возникнет желание, я могу научить.

Се Сицзэ невольно сжал ягодицы:

— ...

— Сяо Цзэ, я не хотел тебя пугать, — спокойно сказал Сун Ле. — Но помни: я говорю серьёзно. Если ты ещё раз подойдёшь так близко к другой девушке, я не ручаюсь за последствия.

— Будь то женщина или мужчина, твоим партнёром могу быть только я.

Сун Ле достал телефон, открыл папку с их фотографиями и показал снимок, где Се Сицзэ, держась за его ухо, целует его:

— Смотри, ты меня любишь.

Се Сицзэ:

— ...

Он попытался выхватить телефон, но Сун Ле не позволил, продолжая листать фото одно за другим:

— Видишь? Это всё доказательства твоей любви. Как только ты повзрослеешь, мы поженимся.

Се Сицзэ хотел удалить эти фото. Они были сделаны в то время, когда он без стыда навязывался этому человеку. Теперь же тот напоминал ему, как сильно он когда-то его любил.

В горле пересохло, тело обошёл холод. Он понимал: Сун Ле не собирается его отпустить.

Се Сицзэ начал одностороннюю «холодную войну».

Жара не давала покоя, а из-за случая с Чжан Шуцзин Сун Ле, словно призрак, преследовал его повсюду. Когда Бабушка Гуйхуа отсутствовала, Сун Ле отрывался от писем и внезапно бросал:

— Ты меня любишь.

Рука Се Сицзэ дёрнулась, когда он разливал чай. Он плюнул в сторону мужчины и, не оборачиваясь, вышел на улицу, чтобы выплеснуть злость.

Воспользовавшись редкой прохладой после полудня, Се Сицзэ, обсасывая леденец, присел у школы в деревне Лотоса слушать, как дети читают вслух.

Школа в деревне была небольшой: трёхэтажное здание из кирпича, оштукатуренное белым. Через маленькую лавочку можно было попасть сразу в школу. Владелец лавки был также директором и учителем. Детей в деревне было мало, поэтому комнату разделили стеной: с одной стороны сидели семь-восемь первоклашек, с другой — четверо второклассников. Парты были старые, дети маленькие, и со двора были видны только их головки над столами.

Когда Сун Ле нашёл его, он всё ещё сидел на дереве, наблюдая за учёбой. Услышав шаги, он взглянул вниз: Сун Ле стоял внизу, засунув руки в карманы, нахмутив брови.

— Зачем забрался так высоко? Спускайся.

Се Сицзэ и не думал спускаться. Он подвинулся повыше и устроился на ветке, свесив вниз белые ноги.

— А ну попробуй сам подняться.

Ствол был не слишком толстым; для легкого Се Сицзэ это было нормально, но для Сун Ле дерево бы не выдержало.

Он усмехнулся:

— Я сам вернусь вовремя. Уходи, ты меня раздражаешь.

Лицо Сун Ле и так было не сахар:

— Сяо Цзэ, спускайся.

Се Сицзэ отвернулся. Ему надоело, что Сун Ле использует его прошлое как рычаг давления, постоянно напоминая о его любви. Теперь этот мужчина преследовал его по пятам, не давая вздохнуть. Только потому что он любил его раньше, он не имеет права разлюбить теперь? Только потому что он любил, этот человек требует вечной верности?

Се Сицзэ не шевелился, и Сун Ле не уходил, пока не прозвенел звонок к окончанию уроков. Тогда Се Сицзэ спустился, спрыгнул и бросился бежать, не оглядываясь.

Он увидел, что Сун Ле не преследует его, и облегчённо выдохнул.

Он хотел свободы. Сун Ле не мог больше давить на него. В прошлой жизни этот человек заставлял его не любить, а в этой — заставлял любить только его. Всё по-твоему? Неужели бывают такие блага?

Бабушка Гуйхуа заметила напряжение между ними. После ужина, сидя во дворе на сквозняке, она подозвала его жестом, как щенка, и спросила:

— Внучек, ты поссорился с господином Сун?

Се Сицзэ отрицательно покачал головой и начал врать:

— Да что вы! У нас отличные отношения. Не волнуйтесь, я искренне его уважаю и буду заботиться о нём в будущем. Господин Сун сейчас занят на работе, возможно, из-за мысли об отъезде у него настроение и испортилось.

Бабушка Гуйхуа кивнула:

— Понятно. — И вдруг спросила:

— Господин Сун, вы уезжаете?

Се Сицзэ обернулся и чуть не врезался в человека, возникшего у него за спиной.

— Не уезжал.

Сун Ле спокойно посмотрел на Се Сицзэ:

— Бабушка, мне нужно поговорить с Сяо Цзэ по делу.

Бабушка улыбнулась и кивнула, ещё раз напомнив внуку слушаться Сун Ле.

Войдя в дом, Се Сицзэ тащили за руку всё время, пока они шли.

— Отпусти меня! Отпусти!

Бам!

Дверь захлопнулась.

Сун Ле устался на Се Сицзэ, грудь его тяжело вздымалась. Когда Се Сицзэ собрался бежать, он перехватил его, притянул к себе, повалил на кровать и перевернул.

Се Сицзэ почувствовал, как его задница обнажилась, и он оказался, как белая редиска, поперёк коленей мужчины, а потом был ошеломлён ударом.

— Ай!

Се Сицзэ прикрыл покрасневшее место, уши и шея покраснели от гнева. Он впился зубами в ладонь Сун Ле, в основание большого пальца, кусая изо всех сил, пока во рту не почувствовался вкус крови.

Он сердито уставился на мужчину, не разжимая зубов, и слова вырывались сквозь стиснутые челюсти:

— Старый мерзавец! Ты посмел ударить меня по заднице! Я тебя укусу, до смерти укусу!

Се Сицзэ кусал с остервенением, кровь из руки Сун Ле текла на его губы. Он специально водил зубами по ране, вгрызаясь в плоть, но Сун Ле даже не нахмурил бровь. Он не пытался вырваться; в его глазах читалась лишь всепрощающая нежность, словно он позволял Се Сицзэ кусаться сколько угодно. Он даже освободил второй рукой и стал гладить его по голове, точно собаку.

Се Сицзэ выплюнул кровь, глядя на искусанную ладонь. Ему стало немного легче, но вид спокойного лица Сун Ле убил эту радость.

Он натянул штаны и вскинул подбородок:

— Тебе не больно?

Больно было, но для Сун Ле это сущие пустяки. Он наблюдал за выражением лица Се Сицзэ и вместо правды сказал:

— Очень больно.

Он подумал, что если сказать правду, Сяо Цзэ обрадуется.

Се Сицзэ холодно усмехнулся, достал салфетку и сплюнул кровь туда:

— И хорошо. — Не больно бы не запомнил.

Видя, что кровь ещё течёт, он удовлетворённо кивнул, сделал пару шагов и, заметив, что Сун Ле не идёт следом, сказал:

— Ты мне причинил боль — я заставил тебя кровоточить. Раз у тебя нет понятия о границах со взрослым «сыном», то и мне нечего с тобой церемониться. Ни один взрослый не станет снимать штаны со своего выросшего ребёнка.

Сун Ле смотрел на него с едва заметной улыбкой и снова произнёс:

— Очень больно.

Очевидно, он нисколько не жалел, что отшлепал его.